

Отвѣтъ г. Черному.

Cuiusvis hominis est errare, nullius nisi
insipientis in errore perseverare.

На мою рецензію греческаго синтаксиса г. Чернаго, напечатанную въ „Фил. Обзор.“ VI 2, 82—98, г. Черный представилъ въ журналѣ „Гимназія“ (№ 6—7) обширное возраженіе¹⁾, въ которомъ онъ старается опровергнуть мои замѣчанія. Какъ видно, моя рецензія возбудила очень сильный гнѣвъ въ г. Черномъ, потому что онъ, забывъ всякое приличіе, почти каждый пунктъ своихъ возраженій сопровождаетъ крайне дерзкими, по большей части, бранными выраженіями, направленными противъ меня и рѣшительно ни на чемъ не основанными. Я считаю не согласнымъ со своимъ достоинствомъ отвѣчать на его брань бранью и потому оставляю безъ вниманія ту сторону его возраженій, а стану прямо на научную почву и покажу, какъ слабы и неосновательны его возраженія.

Съ нѣкоторыми (очень немногими впрочемъ) замѣчаніями моими г. Черный безусловно согласился; въ другихъ случаяхъ онъ, хотя и не считаетъ себя побѣжденнымъ и бранитъ меня всячески, но на самомъ дѣлѣ бываетъ вынужденъ сознаться въ своей ошибкѣ: такъ, въ § 10 (подстрочное примѣч.), гдѣ рѣчь идетъ о постановкѣ причастія *ὄν* всегда позади имени, онъ самъ называетъ слово „всегда“ (противъ котораго я только и возражалъ) „нѣсколько неосторожнымъ“ (стр. 392) и замѣняетъ его словомъ „обыкновенно“, съ тѣмъ и я вполне согласенъ. О такихъ пунктахъ мнѣ, слѣд., говорить нечего, и я займусь лишь тѣми, гдѣ мой противникъ рѣшительно не соглашается со мной.

¹⁾ Свое возраженіе г. Черный сопровождаетъ направленнымъ противъ редакціи „Фил. Обзор.“ обвиненіемъ въ „неуваженіи простого правила справедливости: *audiat et altera pars*“, заявляя, что его „защиту отказалась напечатать редакція „Фил. Обзор.“ въ объемѣ, равняющемся нападенію, соглашаясь лишь на принатіе отвѣта объемомъ не больше трехъ страницъ (это для опроверженія 16 страницъ критики!).“ Въ виду этого считаемъ необходимымъ пояснить, что на запросъ г. Чернаго, помѣститъ ли редакція составленное имъ возраженіе въ объемѣ, который значительно превзойдетъ рецензію вслѣдствіе разъясненія многихъ научныхъ разногласій его съ рецензентомъ, редакція (во избѣжаніе личной полемики) предложила ему ограничить свое возраженіе 3—4 страницами въ критическомъ отдѣлѣ, а научные вопросы перенести въ первый отдѣлъ, гдѣ и разсматривать ихъ, не стѣсняясь объемомъ. Г. Черный въ своемъ обвиненіи умолчалъ о послѣднемъ пунктѣ и серьезно сообщилъ читателямъ „Гимназія“, что „отвѣтъ болѣешихъ размѣровъ она (редакція „Фил. Обзор.“) согласна-де помѣститъ за особую плату, считая за страницу по 25 руб.“ т.-е. въ отдѣлѣ объявленій по установленной для объявленій таксѣ (см. 4-ую стр. обертки любой книжки „Фил. Об.“)... Теперь, по напечатаніи этого отвѣта въ „Гимназія“, мы можемъ заявить, что вслѣдствіе своего крайне личнаго характера, равно какъ неводержаннаго и непримиримаго тона онъ не могъ быть напечатанъ ни въ одномъ отдѣлѣ „Филологическаго Обозрѣнія“. *Ред.*

Къ сожалѣнію, редакция „Ф. О.“ дала мнѣ въ распоряженіе не болѣе восьми страницъ, вслѣдствіе чего я, не имѣя возможности отвѣтить на всѣ пункты его возраженія, выберу лишь нѣсколько наиболѣе характерныхъ.

Для опроверженія моихъ замѣчаній г. Черный пользуется разными способами: иногда онъ пускается въ ученыя разсужденія, иногда ссылагся на мнѣнія авторитетныхъ грамматиковъ¹⁾, иногда прибѣгаетъ къ разнаго рода уверткамъ и даже ко лжи и искаженію фактовъ.

І. Въ ученыхъ разсужденіяхъ своихъ онъ выказываетъ такое отсутствіе логики и непониманіе дѣла, какого я не могъ даже ожидать. Вотъ, напр., какъ онъ доказываетъ, что въ таблицѣ его (§ 49) аористъ вполнѣ вѣрно отнесенъ не только къ прошедшему, но и къ настоящему времени: аористъ, говоритъ онъ, „по своему видовому значенію, имѣетъ отношеніе не только къ прошедшему (indicat. aoristi), но (въ прочихъ наклоненіяхъ) также къ настоящему (напр. *λαβέ* восьми, *λαβεῖν* взять — теперь или въ любое время) и даже къ будущему времени, выражая вообще предшествованіе своего дѣйствія дѣйствію главнаго глагола (*ἐλθὼν λέγει, εἶπεν, ἐρεῖ*)“ (стр. 396). Г. Черный даже и не замѣчаетъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Если аористъ имѣетъ отношеніе не только къ прошедшему и настоящему, но и къ будущему времени, почему же онъ въ его таблицѣ отнесенъ только къ прошедшему и настоящему? почему онъ не отнесенъ также и къ будущему? Затѣмъ, если наклоненія аориста могутъ относиться къ прошедшему, настоящему и будущему, то и наклоненія настоящего могутъ относиться также ко всѣмъ временамъ: подобно *ἐλθὼν λέγει, εἶπεν, ἐρεῖ* говорится и *πλαῖων λέγει, εἶπεν, ἐρεῖ*, и если (*αὔριον*) *λαβέ* указываетъ на будущее время, то и (*αὔριον*) *λάμβανε* также на будущее. Въ такомъ случаѣ, почему же *πραεσεν* въ его таблицѣ не отнесено ко всѣмъ временамъ? Наконецъ, въ приведенномъ имъ въ томъ же возраженіи примѣрѣ *ὑβὶ εἰπέ* повелительное накл. по его мнѣнію означаетъ настоящее время: это не вѣрно, потому что *imperativus* по природѣ своей всегда указываетъ на будущее: требуемое дѣйствіе можетъ произойти только во времени, слѣдующемъ за повелѣніемъ, т.-е. въ будущемъ; что касается *ὑβὶ*, то оно не мѣшаетъ дѣйствію быть будущимъ, такъ какъ понятіе „теперь“ обнимаетъ собою настоящій моментъ и часть времени, соприкасающагося съ нимъ въ прошедшемъ и будущемъ: можно сказать *ὑβὶ ἐρῶ*. Если г. Черный, какъ оказывается изъ его возраженія, желалъ включить въ свою таблицу всѣ наклоненія, то таблица эта никуда не годится и должна быть совершенно передѣлана, а его возраженіе показываетъ ясно, какое темное представленіе имѣетъ онъ о значеніи греческихъ временъ и наклоненій.

¹⁾ Кстати сказать, познанія его въ этомъ отношеніи очень скудны: дальше Кюнера и Крюгера онъ почти не идетъ, такъ какъ спеціальной литературы по грамматикѣ совсѣмъ не знаетъ; не знаетъ онъ, напр., даже такого капитальнаго труда, какъ Weber, *Entwicklungsgeschichte der Absichtssätze*, не говоря уже о мелкихъ статьяхъ; ссылагся онъ главнымъ образомъ на нѣмецкіе учебники, въ родѣ Курціуса-Гартля, Коха и др.

Далѣе, онъ защищаетъ свое толкованіе (§ 65, подстрочное примѣч.) примѣра *ψηφίσασθα πόλεμον μὴ φοβηθέντες*, гдѣ *μὴ* поставлено будто бы потому, что причастіе означаетъ запрещеніе (стр. 397). Г. Черный забываетъ, что причастіе есть сокращенное придаточное предложеніе, а придаточныхъ предложеній запрещенія не существуетъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылается на нѣсколько грамматикъ, которыя однако даютъ совсѣмъ другое и притомъ вполнѣ вѣрное правило, напр. Кохъ-Левенштейнъ § 62, 5, прим.: „причастія, принадлежащія предложенію требованія, имѣютъ конечно *μὴ*“. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Черный приводитъ еще примѣръ Хеп. *Мет.* 1, 4, 1 *σκεψάμενοι μὴ μόνον..., ἀλλὰ καὶ..., δοκιμαζόντων*. Опять онъ не видитъ, что этотъ примѣръ даже съ его точки зрѣнія какъ разъ противорѣчитъ его правилу; онъ самъ переводитъ его: „пустъ сообразать не только то..., но и то..., а затѣмъ пусть уже судятъ“: развѣ въ словахъ „пустъ сообразать“ выражается запрещеніе? по моему по крайней мѣрѣ легкомысленному сужденію, тутъ наоборотъ — повелѣніе. *Ὁ γραμματῶν ἀπειρος οὐ βλέπει βλέπων*.

Относительно условнаго предложенія въ примѣрѣ § 82 *Κῆρος, εἴ τινα φεύγοντα λήψοιτο, προηγόρευεν, ὅτι ὡς πολέμῳ χρήσοιτο* г. Черный теперь еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ грамматикѣ, утверждаетъ, что „здѣсь, *εἴ λήψοιτο* равняется скорѣе *ἐάν λάβω*, чѣмъ *εἰ λήψομαι*, потому что въ данномъ предложеніи, какъ показываетъ неопредѣленное мѣстоименіе *τινά*, безъ сомнѣнія заключается условное обобщеніе, выражаемое въ прямой рѣчи посредствомъ *ἐάν* с. conj.“ Г. Черный, слѣд., не признаетъ всѣмъ извѣстнаго правила косвенной рѣчи, что время прямой рѣчи сохраняется въ косвенной при переходѣ изъяснительнаго или сослагательнаго накл. въ желательное, и что поэтому opt. fut. въ данномъ примѣрѣ можетъ соотвѣтствовать только indic. fut. прямой рѣчи. Что касается „условнаго обобщенія“ въ этомъ примѣрѣ, то г. Черный тоже очень ошибается, думая, что оно можетъ быть выражено только чрезъ *ἐάν* с. conj.: привожу мѣсто изъ Оукидида (V, 26, 2), гдѣ такое обобщеніе (съ *τις*) выражено посредствомъ *εἰ* с. fut. ind.: *καὶ τὴν διὰ μέσον ξύμβασιν εἴ τις μὴ ἀξιώσει πόλεμον νομίζειν, οὐκ ὀρθῶς δικαιοῦσι* (если кто = всякій кто). То же и въ *Aristoph. Thesm.* 248 *οἰμώξεσθαι, εἴ τις τὸν ἐμὸν προκτὸν πλυνεῖ*¹⁾.

¹⁾ Г. Черный укоряетъ меня за то, что я привожу примѣры „изъ (не читаемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ) Оукидида или Плутарха [это ложь: изъ Плутарха я не привелъ ни одного примѣра] и особенно изъ любимаго моего конька Аристофана“ (стр. 393). Не знаю, что тутъ за преступленіе: 1) г. Черный въ предисловіи къ I изданію называетъ свое руководство синтаксисомъ аттическаго нарѣчія, не ограничивая его языкомъ лишь тѣхъ авторовъ, которые читаются въ нашихъ гимназіяхъ, а Оукидидъ и Аристофанъ, какъ я по крайней мѣрѣ слыхалъ, принадлежать къ числу аттическихъ писателей; 2) онъ самъ въ своемъ возраженіи приводитъ на стр. 394 цѣлый рядъ примѣровъ изъ Оукидида; 3) отчего не привести мѣста изъ какого угодно писателя, если оно содержитъ въ себѣ примѣръ на явленіе, свойственное языку всѣхъ вообще аттиковъ, а не языку

Въ рецензії своей я сказалъ, что г. Черный (§ 74), упоминая о томъ случаѣ, когда боязнь относится къ прошедшему (*δέδοικα, μὴ ἤμαρτον*), долженъ былъ прибавить, что боязнь можетъ относиться и къ настоящему (*δέδοικα, μὴ πληγὴν εἶναι*). Г. Черный такъ же дерзко, какъ и въ другихъ мѣстахъ, поучаетъ меня, что *indicat. praes.* послѣ глаголовъ боязни пропущенъ имъ и не включенъ въ правило потому, что онъ крайне рѣдокъ (стр. 414). Что это случай рѣдкій, я зналъ и во время составленія своей рецензії, но я зналъ также и то, чего не знаетъ г. Черный, что *indicat. aor.* здѣсь (который однако г. Черный считъ нужнымъ включить въ правило съ примѣромъ *δέδοικα, μὴ ἤμαρτον*) еще рѣже, а *indicat. perf.* (который также значитъ въ правилѣ) встрѣчается въ аттической литературѣ ровно столько же разъ, сколько *indicat. praes.* Поэтому, если г. Черный упоминалъ объ употребленіи *indic. aor.* и *perf.* въ такихъ предложеніяхъ, онъ необходимо долженъ былъ упомянуть объ употребленіи въ нихъ *indic. praes.* Для *indic. praes.* послѣ глаголовъ боязни я могу привести 3 мѣста изъ аттиковъ (*Soph. Aj.* 278. *Aristoph. Nub.* 493. *Plat. Phaedo* 84 E). Но пусть г. Черный во всей аттической литературѣ найдетъ мнѣ хоть одно мѣсто съ *indic. aor.* въ такомъ предложеніи.

Интересно еще одно объясненіе г. Чернаго. Я сказалъ въ рецензії: „какая разница между выраженіями *ὁ οὐ πιστεύων* is qui non credit и *ὁ μὴ πιστεύων* si quis non credit (§ 65), понять невозможно: лат. переводъ ясности не прибавляетъ“. Г. Черный даетъ русскій переводъ „тотъ, кто не вѣритъ, — если кто не вѣритъ“ и спрашиваетъ: „теперь понятно?“ (стр. 406). Я отвѣчу: и непонятно, и невѣрно. Непонятно потому, что между выраженіями „тотъ, кто не вѣритъ“ и „если кто не вѣритъ“ разницы по смыслу никакой нѣтъ, такъ что по нимъ нельзя понять и разницы между греч. выраженіями. Невѣренъ такой переводъ потому, что онъ противорѣчитъ извѣстному ученію, что причастіе съ членомъ равняется относительному предложенію, а не обстоятельству. Поэтому, напр., переводъ фразы *ὁ μὴ δαρείς ἀνδρῶπος οὐ παιδεύεται* „человѣкъ, если онъ не былъ бытъ“... не вѣренъ: такому переводу по-гречески соотвѣствовало бы *ὁ ἀνδρῶπος μὴ δαρείς*. (Объ употребленіи *οὐ* и *μὴ* при причастіи съ членомъ см. синтаксисъ Мадвига § 207).

Πόλλ' ἡπίστατο ἔργα, κακῶς δ' ἡπίστατο πάντα.

II. Въ другихъ случаяхъ г. Черный, какъ я сказалъ, старается опровергнуть мои замѣчанія просто ссылками на „авторитеты“, говоря, что

только этого писателя? Бамбергъ, напр., и другіе очень охотно даютъ примѣры изъ фрагментовъ комиковъ, хотя въ гимназіяхъ они уже навѣрно не читаются. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 409) мой противникъ раздражается противъ меня длинной тирадой, что не слѣдуетъ основывать гимназическій учебникъ греч. синтаксиса на одномъ лишь Анабасисѣ Ксенофонта, повидимому, приписывая мнѣ такое дикое требованіе, котораго я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ: вся моя вина заключается въ томъ, что я въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлалъ ссылки на Юста! *Θερσίτ' ἀκριτόμυθε, λυγρὸς περ ἑὼν ἀγορητής, ἴσχεο.*

одинаково съ нимъ учить такая-то „авторитетная“ грамматика или многія или всѣ грамматики. Что эти авторитеты иногда по крайней мѣрѣ учатъ ошибочно, это вынужденъ былъ признать и самъ г. Черный¹⁾, а по моему мнѣнію (конечно, не заслуживающему вниманія въ глазахъ г. Чернаго) они и въ другихъ случаяхъ не особенно правы. Случается и такъ, что ссылки г. Чернаго совершенно неправильны, такъ какъ въ приводимыхъ имъ авторитетахъ говорится совсѣмъ не то, что онъ въ нихъ видитъ.

Въ рецензій своей я сказалъ, что не понимаю, въ чемъ заключается *tertium comparationis* при сравненіи перфективныхъ временъ съ плоскостью (§ 49, прим.). На это г. Черный дѣлаетъ мнѣ такое возраженіе (стр. 389): „Довольно странно со стороны г. профессора греческой словесности и даже непостыжительно незнаніе столь извѣстныхъ всякому классическому филологу *Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik* Г. Курціуса, гдѣ (2 Aufl. стр. 183) напечатано: *Das Wesen der vollendeten Handlung endlich besteht darin, dass sie in jeder Beziehung vollständig umgränzt ist. Insofern also gleicht sie einer von Linien umschlossenen Fläche.*“ Затѣмъ онъ ссылается на то, что это сравненіе находится и въ грамматикѣ Курціуса-Гартля, и прибавляетъ: „Да проститъ мнѣ г. рецензентъ, — я ставлю авторитетъ Г. Курціуса и В. Гартля (кстати сказать, моего бывшего сожителя и товарища по Вѣнскому университету) гораздо выше его собственнаго“. Наконецъ, онъ сообщаетъ, что „авторитетъ Г. Курціуса въ этомъ [?] отношеніи признаетъ такой лингвистъ, какъ Б. Дельбрюкъ, *Die Grundlagen der Syntax* стр. 80: *Diese Wahrheiten, um deren Gewinnung sich G. Curtius das grösste Verdienst erworben hat, sind wohl jetzt in das allgemeine (за исключеніемъ г. С. Соболевскаго) Bewusstsein übergegangen. Wer noch Belehrung darüber wünscht, findet sie am besten in Curtius Erläuterungen zu seiner Schulgrammatik.*“ Да, авторитетовъ много, но напрасно г. Черный приводитъ ихъ. Сочиненіе Курціуса мнѣ извѣстно; но, право, сравненіе перфективныхъ временъ съ плоскостью не становится нисколько

¹⁾ Стр. 423: „Долженъ же онъ (= рецензентъ) былъ сообразить, что, если я въ томъ или другомъ мѣстѣ и дѣйствительно ошибся (*errare humanum est, — nihil humani a me alienum esse puto*), то мою вину большею частью раздѣляютъ многіе другіе, считающіеся образцовыми, учебники, почему и добросовѣстный, безпристрастный критикъ отвесъ бы эти рѣдкія ошибки скорѣе къ тѣмъ, слышущимъ авторитетными, иностранними руководствамъ, которыми я, не проверивъ, — противъ своего правила осторожности при заимствованіи, — то или другое надлежащимъ образомъ, введенъ былъ въ невольныя, во всякомъ случаѣ рѣдкія и незначительныя, заблужденія, при ближайшемъ случаѣ легко исправимыя“. Не скрою, мнѣ было очень хорошо извѣстно, что нѣкоторые изъ указанныхъ мною въ книгѣ г. Чернаго ошибокъ принадлежать не ему одному, а встрѣчаются и въ другихъ грамматикахъ, но я не считалъ себя въ правѣ говорить, что такое-то (ошибочное) ученіе г. Черный заимствовалъ изъ такой-то грамматики: г. Черный въ предисловіи называетъ свой трудъ составленнымъ самостоятельно, вслѣдствіе чего я и не имѣлъ права говорить о какихъ-либо его заимствованіяхъ.

яснѣе для меня отъ того, что оно принадлежитъ не г. Черному, а Г. Курціусу и одобрено В. Гартлемъ. Не лучше ли было г. Черному вмѣсто того, чѣмъ бравить меня, хорошенько растолковать столь темныя для меня (да и для многихъ другихъ, думаю) слова Курціуса, если они для него такъ просты? Нѣтъ, онъ этого не сдѣлалъ и поступилъ благоразумно, потому что и не могъ бы разъяснить ихъ. Что касается ссылки на Дельбрюка, то ею г. Черный просто обманываетъ читателей; не выписавъ предшествующихъ словъ Дельбрюка, онъ хочетъ представить дѣло такъ, что будто Дельбрюкъ одобряетъ у Курціуса именно сравненіе перфективныхъ временъ съ плоскостью. Ничего подобнаго нѣтъ у Дельбрюка; объ этомъ сравненіи Курціуса онъ даже и не упоминаетъ; подъ *diese Wahrheiten* онъ разумѣетъ ученіе Курціуса о видовомъ различіи временъ греческаго глагола, именно *dass die Stämme des Praesens, des Aorists, des Perfectums verschiedene Aktionen bezeichnen (das Praesens etwa die dauernde, der Aorist die eintretende, das Perfectum die vollendete Handlung), dass die bestimmte Aktion in jeder Form des Stammes, in den Modi so gut wie im Indicativ zur Erscheinung kommt, dass ferner die Zeitstufe nur in dem Augment sichtbar bezeichnet ist, — diese Wahrheiten etc.* Въ этихъ истинахъ, дѣйствительно, никто не сомнѣвается; но пусть г. Черный укажетъ, гдѣ здѣсь говорится о сравненіи съ плоскостью¹⁾.

Къ такому же обману прибѣгаетъ г. Черный и въ другомъ мѣстѣ (стр. 395). Тутъ онъ старается опровергнуть мое мнѣніе, что относительныя слова (мѣстоименія и нарѣчія) могутъ вводить косвенный вопросъ. Между прочимъ онъ опирается на авторитетъ Кюнера, говоря: „Относительныя мѣстоименія (*ὅς, ὅλος, ὅσος* и др.) въ косвенномъ вопросѣ рѣшительно отвергаетъ R. Kühner въ *Ausf. Grammatik...* стр. 942—3 № 4, съ замѣчательнымъ разсужденіемъ котораго нельзя не согласиться“. *Ἐφθέρυι ἀναιδές!* Это — совершенная ложь: Кюнерь вовсе не отвергаетъ употребленія относительныхъ словъ въ косвенномъ вопросѣ, а напротивъ даже говорить о разницѣ въ значеніи здѣсь между *ὅς* съ одной стороны и *ὅστις* и *τίς* — съ другой. Вотъ его слова: *Allerdings wird ὅς an sehr vielen Stellen in einer abhängigen Frage gebraucht, aber keineswegs hat es alsdann die Bedeutung der Interrogative ὅστις, τίς, sondern die des relativen ὅλος, wie im Lat. qui statt qualis, z. B. S. O. C. 1171 ἐξοιδ' ἀκούων τῶνδ', ὅς ἐσθ' ὁ πρῶταίης.* In dergleichen Stellen wird der Gegenstand der Frage als bekannt vorausgesetzt, und es wird nur nach der Qualität des Gegenstandes gefragt“. Хотя указываемое Кюнеромъ различіе въ значеніи между *ὅς* и *ὅστις* едва ли вѣрно, но во всякомъ случаѣ изъ этихъ словъ видно, что и Кюнерь признаетъ возможность употребленія *ὅς* въ косв. вопросѣ. Признаютъ ее также и другіе, напр. Мадвигъ (грамм. § 198 b), Миллеръ - Латтманъ

¹⁾ Что сравненіе перфекта съ плоскостью не одобряется не мною однимъ, а также и другими, можно видѣть изъ прекрасной статьи проф. И. В. Нетушила „Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1891 г., июнь), такъ какъ онъ сравниваетъ перфектъ съ линіей, образовавшейся изъ множества мелкихъ черточекъ (стр. 103).

(грамм. § 75, 1, с). Наконецъ, признать ее заставляють многія мѣста писателей, напр. Dem. XII, 72 *οὐκ εὐθελον, δι' ἃ τοῦτ' ἐποίησας*; гдѣ при *εὐθελον* (sing.) никакъ нельзя подразумѣвать слова, къ которому бы относилось *ἃ* (plur.). Isoc. XV, 69 *φανερὸς γενησόμενος, δὲν τρέπον εἰδίσαιμι — πλησιάζειν*.

Разбирая примѣръ *οἶνον ἔφρασεν, ἔνθα ἦν κατορθωγυμένος* (§ 91), я замѣтилъ, что это косвенный вопросъ, а не относительное предложенье. Г. Черный, защищая свое мнѣнiе, указываетъ мнѣ (стр. 400), что „*ἔνθα*, по всѣмъ грамматикамъ и словарямъ, исключительно относительное нарѣчiе, а никакъ не вопросительное (ни прямо, ни косвенно попр.)“. Напрасно г. Черный такъ рѣшительно утверждаетъ это: я знаю два словаря, очень извѣстные, въ которыхъ упоминается и косвенно-вопросительное значенiе *ἔνθα*: это словарь Пале (т. 1, стр. 841) и словарь къ Софоклу Элендта (отр. 243), гдѣ для этого значенiя цитируется Soph. *El.* 1101 *Αἰγισθον ἔνθ' ἤκηκεν ἰστορεῖ πάλαι*.

III. Иногда г. Черный прибѣгаетъ къ разнаго рода уверткамъ. Такъ, объ *ίγαίης* въ косвенномъ вопросѣ онъ не упомянулъ будто бы потому, что „считаетъ лишнимъ и даже вреднымъ въ дидактическомъ отношенiи наполнять сверхъ мѣры каждое правило краткаго учебнаго руководства разными рѣдкими, специальными явленiями и сбивающими ученика мелкими отступленiями“ (отр. 413). Напротивъ, онъ включилъ въ правило сравнительно рѣдкiй оборотъ *ἔστιν οὐ (νομίζουσιν)*, по „счелъ лишнимъ указать на обыкновенный, правильный оборотъ *εἰσὶν οἱ*“ (стр. 418).

Въ замѣчанiи моемъ по поводу примѣра *τοῦς ἔστιν ὁ διακεκοσμηκώς πάντα* (§ 67, пр. 2), гдѣ я говорю, что *ἔστιν* какъ *ραγοχυτοπον* здѣсь читать нельзя, г. Черный (стр. 401) видитъ придирку съ моей стороны, „потому что въ немъ *ἔστιν* простая опечатка, вмѣсто *ἔστιν* (безъ ударенiя)“. Зачѣмъ слагать вину съ себя на наборщика! Что *ἔστιν* не простая опечатка, а недосмотръ самого автора, я могу доказать тѣмъ, что въ такой же формѣ напечатано это слово и въ большой грамматикѣ его (§ 146, 8).

IV. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Черный поступаетъ еще проще: въ своемъ отвѣтѣ онъ измѣняетъ тѣ слова свои, противъ которыхъ я дѣлалъ возраженiе („передергиваетъ“, какъ говорится на техническомъ языкѣ), и затѣмъ удивляется или негодуетъ, что я нашелъ въ нихъ ошибку.

Такъ, по поводу § 17, прим. 2, гдѣ сказано: „большая часть греческихъ (какъ лат. и русскихъ) нарѣчiй и союзовъ представляетъ винительный отношенiя или внутрен. предмета ед. и множ. ч. среднего рола“, я замѣтилъ, что это невѣрно. Г. Черный въ своемъ возраженiи (стр. 393) представляетъ дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ и пишетъ съ негодованiемъ: „замѣчанiе же г. рецензента, касающееся § 17, прим. 2 (гдѣ упоминается о нарѣчiяхъ и союзахъ, представляющихъ собою винительный падежъ), — просто смѣшно. Не могу же я въ главѣ о винительномъ и въ примѣчанiи, упоминающемъ исключительно только о нарѣчiяхъ и союзахъ, представляющихъ собою, такъ сказать, окаменѣвшiя формы винительнаго падежа, распространяться о всѣхъ другихъ

способахъ образованія нарѣчій и союзовъ?... Какія опять несообразныя понятія у г. профессора о системѣ синтаксиса вообще, а гимназическаго учебника въ особенности!“ Можетъ быть, мои понятія о системѣ синтаксиса и несообразны; но честны ли понятія г. Чернаго, когда онъ въ возраженіи излагаетъ свое правило иначе, чѣмъ оно стоитъ въ его грамматикѣ? Да, при такомъ способѣ возраженія не трудно опровергнуть что угодно.

V. Что касается возраженій г. Чернаго на мои замѣчанія, касающіяся русскаго языка, въ которомъ онъ меня, „къ сожалѣнію, тоже не можетъ признать авторитетомъ“, то за недостаткомъ мѣста не могу ему ничего отвѣтить. Надѣюсь, читатели и такъ повѣрятъ, что я, природный русскій и къ тому же 12 лѣтъ учившійся родному языку въ русской гимназій и русскомъ университетѣ, могу лучше знать русскій языкъ, чѣмъ г. Черный. Замѣчу только въ поученіе ему, что защищаемое имъ слово „помирать“ въ литературномъ языкѣ не употребляется и что фраза „нечего теперь кланяться“ никакъ не равна „нѣтъ того, чему теперь кланяться“ (какъ онъ объясняетъ ее на стр. 418): это по-русски было бы „нечему теперь кланяться“.

Этимъ я оканчиваю свой отвѣтъ г. Черному какъ по недостатку мѣста, такъ и потому, что и всѣ остальные возраженія его такъ же цѣнны въ научномъ отношеніи и отличаются такимъ же характеромъ, какъ и разобранныя мною.

Теперь я могу спросить г. Чернаго, какое онъ имѣлъ право называть мою вполне справедливую рецензію недобросовѣстной, поверхностной, пристрастной, а меня самого называть зазнавшимся, обвинять въ клеветѣ и т. д. Пусть онъ объяснитъ, какимъ образомъ я, невѣжественный и легкомысленный рецензентъ, *iugans in verba Ioostii aliorumque*, указалъ ему даже на такія ошибки, которыя находятся, по его собственному признанію, въ авторитетныхъ иностранныхъ руководствахъ и которыя онъ при всей своей учености, самостоятельности и глубокомысліи совершенно спокойно перенесъ въ свой учебникъ и не замѣчалъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Да, вѣрно изреченіе Соломона: „не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе; обличай премудра, и возлюбятъ тя“.

*Πρὸς ταῦτα Μέλας καὶ παλαμάσθω
καὶ πᾶν ἐπ' ἐμοὶ τεκταινέσθω.
τὸ γὰρ εἶ μετ' ἐμοῦ
καὶ τὸ δίκαιον σύμμαχον ἔσται,
κὺν μὴ ποθ' ἄλῳ κακὰ πράσσων.*

С. Соболевскій.